

Т. В. Горячева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ*

пырь

В круг русских диалектных названий изморози, инея входит слово *пырь* ‘изморозь, иней’; приведенное в Словаре русских говоров Карелии в контексте “Зима сей год была холодная, морозы на сорок пять градусов, деревья — то все в *пыри* стоят” (онеж., Словарь Карелии 5, 369–370). Там же зафиксировано и представлено в качестве омонима слово *пырь*¹ ж. в значении ‘трава пригодная для покоса’: “Когда для покоса хорошая, дак *пырь* она” (Там же, 369). Кажется вероятным, что это могут быть не омонимы, а одно и то же слово с развитием семантики ‘трава’ → ‘иней’. О совмещении в семантике ряда лексем значений ‘иней’ и ‘кудрявая зелень’, ‘заиндеветь’ и ‘покрываться листвою’ писала Ж. Ж. Варбот, приводя в качестве примеров рус. диал. *окунётся* ‘заиндеветь; покрыться листвою’, *окрутиться* ‘покрыться листвою, инеем (о деревьях, лесе) и др.’¹ Ср. также народное представление о снеге как о растении: подмоск. *первая роща* ‘первый снег’: “Поедем в лес по первой роще” (записано мною — Т. Г.). Предлагаемое генетическое отождествление возможно, если запись в Словаре Карелии точна и *пырь* не название растения пырей, ср. в Новгородском областном словаре *пырняг*, -у(а), м., собир. ‘заросли растения пырея’, ‘сорная высокая трава’ (Новг. словарь 9, 73), также болг. *пир* и *пирей*, с.м. ‘Раст. трава *Synodon dactylon* (*Triticum repens*), пырей’ (Геров 4, 33), сербохорв. *пир* II м. бот. ‘полба’, ‘пырей ползучий’ (Толстой² 376). В том же Словаре русских говоров Карелии находим слово *супырь* ‘небольшое возвышение на земле, обычно в лесу’, ‘холмик на вспаханном поле’, ‘сугроб’: “При вьюге наметает такие наносы, это *супырь*” (Словарь Карелии 6, 398). В таком случае и *супырь* ‘сугроб’ и *пырь* ‘изморозь, иней’ могут восприниматься как некое утолщение, сугроб как холмик, а иней как торчащие иглы и восходить к

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 “Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ”.

одному и тому же глаголу *пырить*; *суньбрь* < *sq-pyрь, ср. *суньожка* ‘ножка стула, стола и др.’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 521). *Пырь* ‘трава, пригодная для покоса’ сюда же, как некая щетина, также нечто торчащее? В Словаре русских говоров Карелии гл. *пырить* не представлен, есть только *пырнуть* ‘быстро повернуться’, ‘быстро побежать’, ‘резко бросить, швырнуть’ (Словарь Карелии 5, 369). Приведено здесь также прилаг. *пырнóй* ‘толстый, упитанный’: “Я сухая больная, а она *пырнее* меня, здоровая” (Словарь Карелии 5, 369), которое также можно отнести к гл. *пырить*, если это не *порнóй*. В Словаре Даля приводится гл. *пырить* в значениях ‘(что) топырить, топорщить; усаживать тычками; вздывать шерсть, перья и оттопыривать’; *пыриться* ‘топыриться, топорщиться, надмеваться и вздывать на себе иглы, шерсть или перья; ошетиниться’. “Куда ты пыришься!” — ‘лезешь, тянешься и тарашисься’. Здесь же приводится слово *пырók* м. дейст. однокр. ‘бодок, толчек, удар торчком’, ‘костяной или деревянный снаряд, в виде острого колочка, пазило, для съемки коры, луба’ (Даль² III, 547). М. Фасмер сопоставляет гл. *пырить* ‘топорщить (перья)’, ‘щетиниться’ с сербохорв. *níruti, nírúm* ‘дуть’, чеш. *puřiti, pouřiti se* ‘надуваться’ и считает его родственным литов. жем. *išpūrti, išpūrstu, išpūraũ* ‘топорщить (перья), ошетиниться, надуваться’, *papūres* ‘взьерошенный’, *pūrstu* ‘лохматиться, делаться шероховатым’, *pūrināt* ‘разрыхлять’, норв. *føyraст* ‘становиться рыхлым’ (Фасмер III, 420). В Словаре русских народных говоров гл. *пырить* несов. перех. и неперех. представлен в значениях (перех.) ‘колоть, укалывать’, ‘прицеливаясь, стараться уколоть’ (твер., смол.), (перех.) ‘беспокоить, тревожить’ (смол.), *пырит*, безл. ‘хотеться, испытывать какое-л. желание’ (смол.), *пырить* (Доп.). ‘давать возможность роскошно, привольно жить’ (смол., Втор. Доп., 1905–1921), *пыриться*, несов. ‘поднимать торчком шерсть, иглы и т.п., щетиниться’ (Даль), ‘одевать очень нарядно’ (Иней — богатое убранство? — Т. Г.) (смол.), ‘богатеть’ (казан.) и др. (СРНГ 33, 196). Сюда же блр. *пырыць (пыриць)* ‘распирать, пучить’, *пырыцца* ‘надуваться, растопыривать перья, пышно одеваться’, *пыриць* ‘беспокоить, не давать покоя’ (ЭСБМ 10, 276–277). Семантику богатства (богатого убранства) у продолжений праслав. *pyriti подтверждает, возможно, и рус диал. наречие *пырято* ‘богато, зажиточно’ (влад. — СРНГ 33, 199).

Блр. *пыр₁* ‘ветер’ “чы *пыр*, чы негода, чы будзет заўтра пагода?” (ЭСБМ 10, 272) также можно отнести к *пырь* ‘изморозь, иней’, *суньбрь* ‘сугроб’ и далее к праслав. *pyriti, если учесть наличие у

продолжений **pyriti* значений ‘дуть, надуваться’, ср. сербохорв. *piriti*, *pirim* (сов. к *pirnuti*) ‘легонько дуть; подувать; веять’ ‘ветар *piri*’ ‘веет легкий ветерок; раздувать’ (Толстой² 376, Фасмер III, 420), а также чеш. *piřeti*, *pouřiti se* ‘надуваться’ (Фасмер III, 420). Авторы Этимологического словаря белорусского языка считают слово неясным, сравнивая с рус. урал. *пырять*, *пырнуть* ‘дунуть, подуть (о ветре)’, предполагая также образование от *пыр*₂, звукоподражания, имитирующего порхание, легкое дуновение, не исключают также связи с **пурь* ‘огонь’ и подчеркивают возможность древнего смешения основ со значением ‘раздувать’ (см. *пырыць*) и ‘гореть’ (см. *пырнік*₂) (ЭСБМ 10, 272–273).

Здесь же, возможно, и новг. *наsupыривать* ‘покрывать тучами’ (Новг. словарь 6, 18), если это не экспрессивное образование от *наsupить*. Т. е. ‘надуть, нанести тучи’. Наконец, к *пырить* можно отнести и новг. *пыра*, -ы, ж. ‘нижняя часть туловища человека, таз’ (Новг. словарь 9, 73), т. е. то, что оттопырено, выделяется?

Возможно также иное этимологическое толкование рус. диал. *пырь* ‘изморозь, иней’ — связь с лексемами рус. диал. *пырэй* ‘загнетка в русской печи’, *пырина* ж. ‘пепел, зола от сжигания соломы’ (СРНГ 33, 196), *пырья* ж. ‘напор, струя воздуха (из мехов)’ (Р. Урал, СРНГ 33, 199), которые восходят к праслав. **пурь* ‘тлеющий пепел, жар’, вместе с укр. *пирей* ‘соломенный пепел’, *пирити* ‘загораться от гнева’, *запиритися* ‘краснеть от гнева’ и т. д., и далее, к и.-е. **рецōr* ‘огонь’ (ЕСУМ 4, 372–373, Фасмер III, 419).

Среди продолжений праслав. **пурь* — н.-луж. *pyrim* ‘искра, горячий пепел’ (ср. искра, блестка инея?) (ЕСУМ 4, 372–373). Семантический переход ‘жечь’ → ‘морозить’ вполне возможен, ср. ‘обжигающий, жгучий холод, мороз’.

при́хоть

Слово *при́хоть* ж. ‘суеверная примета, предрассудок, поверье’ записано в смоленских говорах, в значении ‘что-л. неестественное, связанное с чудом; колдовство’ — в иркутских говорах (СРНГ 32, 51). Здесь же приводится *при́хоть*, ж. ‘то же’ (брян.) (Там же), *прихотёты*, мн. ‘то же’ (Там же), брян. *при́хотати* ‘то же’, *прихотётка* (смол.) ‘то же’ (Там же), *прихотётник*, м. ‘колдун’ (смол.), *прихотётница*, ж. ‘женск. к *прихотётник*’ (смол.) (Там же). Авторы Этимологического словаря белорусского языка исследуют русский материал в связи с блр. *пры́хамаць* ‘каприз, нелепое надуманное желание’ (ТСБМ), ‘суеверное средство, су-

еверие', 'колдовские знания' (Нас., Гарэц.), 'суеверие, лечение наговорами' (Бяльк.), *прихамить* 'символический знак, обряд, который имеет общие черты с волшебством и непонятен для постороннего зрителя' (Мядзв.), *прихамети* 'суеверие', *прихаметы* 'то же', *прихамэта* 'примета' (Бяльк.), *прихамати* 'небылицы, суеверия', *прихаматлівы* 'суеверный, который верит суевериям', *прихаматны* 'примечательный какими-либо суеверными признаками' (Нас.), *прихамётнік* 'колдун' (Бяльк.). По их мнению это "темное слово", "*при-* очевидно, приставка, ср. еще *прышамець* 'необычное явление' (Варл.), что позволяет выделить экспрессивный элемент *-ха-*, который чередуется с *-ша-* (ср. Махек², 203: под *chomrstati*). Неясной остается финаль слова (от **mēti?*), не исключено, что рассматриваемое слово — это образование от **прымха* (гл.) с суф. *-от* и *-ь* (см. о суффиксации Карски, 2–3, 30–31): **прымх-оть* и с последующей метатезой и *о* вставным — **прихомоть* > *прихамець*. Но это недостоверно" (ЭСБМ 10, 162–163).

Если в этих приведенных словах выделять префикс **pri* и экспрессивный элемент *-ха-*, то логичнее было бы финалью считать **mēta*, ср. *примета*, рус. диал. *прымётъ*, ж. 'ориентир', 'признак, предвещающий что-н.; примета' (Словарь Карелии 5, 179); возможна также контаминация *примета(ь)* с *прихоть* — ср. рус. диал. *прихоть* 'аппетит', 'лакомство', 'обычай, правило' (Словарь Карелии 5, 224), *прихотня* 'хитрый поступок, приём, уловка' (Орловск. словарь 11, 66).

Есть еще одна возможность объяснения происхождения этого слова — связь с рус. диал. *хамать* 'зевать' (Даль² IV, 1165), в Словаре русских говоров Карелии *хамать* — 'зевать, испытываемое желание поспать', 'спать', 'хватать ртом, есть, жевать', *Хам пришел* 'О зевоте, сонном состоянии' (Словарь Карелии 6, 702), которое восходит к праслав. **xamati* 'есть, хватать'. Сюда же можно отнести черепов. *хамать* 'быть усталым', *хамота* 'усталость, сонливость', *хамонье* 'то же', которые Фасмер рассматривал как неясные слова (Фасмер IV, 221). Ср. рус. диал. *хамотá*, ж. 'зевота'. "*Хамотá да тягота*" (Словарь Карелии 6, 703). Вероятно, **хамоть* 'зевота', соединенное с префиксом *при-*, дало *прихамоть*, с развитием значений 'зевота' → 'сглаз, колдовство' или же 'зевота' → 'сонное состояние' → 'чары, колдовство'. Ср. *озев* 'поверье, по которому лихой человек может своего недруга "озевать", т. е. заставить зевать до истощения сил и даже до смерти. В числе заговоров от сглаза, притки проч. есть заговоры

от озера'. (Цомакион 89). Там же записано слово *озев* в значении 'болезнь у человека или животного', приключаящаяся только от одного "дурного" взгляда одного человека на другого или человека на животное. Отсюда озевали — сделали больным через дурной взгляд или даже помысел', у Даля — *озёва* ж. арханг. *озёв* м. вост. *озёвище* вят. *озён*, *озёпище* м. вост. 'сглаз, призор, порча, притка с-глазу, напущенная бóлесь' (Даль² II, 660).

Праслав. **xamati* является глаголом "на -*ati* на базе звукоподражания", оно сравнивается с **xapati*, также глаголом звукоподражательным по своей природе (ЭССЯ, 17–18). У продолжений праслав. **xamati* есть также значения 'брать, хватать' и подобные, ср. чеш. диал. *chamati* 'щупать, трогать', *chamat* 'жадно брать, хватать' (Bartoš. Slov. 115), словин. *hamac* 'красть, воровать' (Sychta II, 8) (Там же). Возможно, **хамоть* также имело семантику хватания (ср. выше карельск. *х́амать* 'хватать ртом, есть, жевать'). Ср. блр. *ханёц* 'мифологическое существо; хапуга' (Тураўскі слоўнік 5, 229). Ср. также рус диал. *похм́атка*, ж. 'повадка, ухватка, нрав, обычай' (< *похам́атка* с редукцией гласного *a*, или из *похв́атка*? — Т.Г.) (СРНГ 30, 351).

Что касается слова *прышамець* (*pryšatić*) 'недобрая примета' (см. выше), то оно действительно связано с *прихамець* (ЭСБМ 10, 174) с экспрессивным переходом -*x*- в -*š*-. Излишне возводить слово к *шамятаць* 'шелестеть, шуршать' *шэмет* 'шум, шорох', и сравнивать его с болг. *шeмeт* 'головокружение' (ЭСБМ 10, 174).

микéнить

Рус. диал. *микéнить* в значении 'часто меняться (о погоде)' записано в Словаре русских народных говоров с пометой петрозав. олон. (СРНГ 18, 158). Это слово еще не привлекало внимание этимологов. Очевидно, что здесь образование довольно позднее от незафиксированного **микать*, которое восходит к праслав. **mikati* I, продолжения последнего имеют значения 'двигать, тряссти, мигать глазами, мерцать, сверкать', например, чеш. диал. *mikat* 'резко двигать, дергать' (Bartoš. Slov. 199; если не из **mykati*), *mikat* 'двигать, тряссти' (Malina. Mistř. 57), *mikat se* 'дергаться' (Kott. Dod. k Bart. 55), в.-луж. *mikać* 'мигать' (Pfuhl 361), н.-луж. *mikaś* 'мигать глазами, шуриться; мигать, мерцать сверкать' (Muka Sł. I, 900) (ЭССЯ 19, 31). Сюда же О. Н. Трубачев относит рус. диал. *микать* 'набивать плотно (мешок)' (яросл.), но этот глагол, скорее, из праслав. **meċati* 'мять' (Там же). Праслав. *mikati* I объясняется как вариант к **migati*, "но, по-видимому,

старого, еще и.-е. возраста, ср. лат. *micō, micāre* ‘дергаться, пульсировать, мигать, сверкать’ (**mikāḡ*), из и.-е. **meik-*” (Там же 31–32). К праслав. **miknōti* (глаголу на *-nōti* от *mikati* I) возводится Трубачевым рус. диал. *микнуть* ‘исчезнуть надолго’ (Словарь русских говоров Мордовской АССР (М–Н) 26), с оговоркой: “если последнее не из “никнуть”” (Там же 32). Глагол **микать* в этом случае мог значить ‘*двигаться, меняться’. Сюда же, возможно, том. *замикисіться* ‘зашевелиться, показаться’ (СРНГ 10, 246). Переход значений ‘двигаться’ → ‘меняться о погоде’ очевиден. Ср. *день семером ходит* ‘о непостоянной погоде’ (енис.) (Словарь фразеол. Сибири 58), смол. *перехаживаться* ‘изменяться к лучшему (о погоде)’ (СРНГ 26, 257), *моргануть* (карел.) ‘установиться погоде на короткое время’ (Словарь Карелии 3, 256). Возможно, здесь было и развитие значения ‘двигаться’ → ‘мерцать’ → ‘часто меняться (о погоде)’. Ср. в.-луж. *šerjate wjedro* ‘ненадежная погода’ и *šerić, ~i* несов. ‘пугать, появляться, бродить (о призраках)’ (Трофимович 313). Не сюда ли, в таком случае, влад. *меклешіться, іться*, несов. ‘едва виднеться’ (СРНГ 18, 95) (**микати* → *миклати* → *миклесити* → *меклешіться*)?

Есть еще одна возможность объяснения происхождения глагола *микенить* — как образования от *мякать*, зафиксированного в русских говорах в значениях ‘мять, уминать’, ‘есть’, ‘чавкать’, ‘набивать мешок и т. п. чем-либо мягким’ (СРНГ 19, 75) (< праслав. **mekati* — ЭССЯ 18, 240–241). Ср. кашуб. *miiki* (< **mekkьkjь*) ‘мягкий, нетвердый’, ‘слабого характера, колеблющийся’ (Sychna III, 167), а также *погода мнется* ‘о неустойчивой, переменчивой погоде’ (СРНГ 27, 298), псков. *заминаться, замяться* ‘переменяться с мороза на оттепель или с хорошей погоды на ненастье (о погоде)’ (Там же 10, 247), перм. *переминаться* ‘быть непостоянным (о погоде)’ (Там же 26, 164) *погода бьется* ‘о переменчивой, неустойчивой погоде’ (Сл. Коми-Перм. округа 49), а также *навой¹-я*, м. ‘перемена погоды’ (от *вить* — Т. Г.) (Словарь Сибири 2, 322). Ср. противоположное прииртыш. *погода тянется* ‘об устойчивой погоде’ (Словарь Прииртышья. Доп. 1, 115), а также *сильный* ‘хороший; такой как надо’: “*Сильная седни погода*” (Словарь Оби II ч., 179).

Таким образом, возможны две версии происхождения гл. *микенить* — от **микать* ‘двигать’ и *мякать* ‘мять’. Глагол образован поздно, по типу глаголов *лупенить* (от *лупить*) ‘бить, лупцевать’, (осташк. твер., алт.) ‘быстро идти, бежать’, ‘идти, лить, хлестать (о сильном дожде)’ (вят.), ‘жадно есть, уплетать’

(вят.) (СРНГ 14, 200), *прудёнить*, несовер. неперех. (от *прудить*) ‘мочиться, испускать мочу (о детях)’ (калуж.) (Там же 33, 62), *наклепёнивать*, -аю, -аешь, несов., перех. и неперех. ‘бить кого-либо’ (псков., осташк. твер.) (Там же 19, 327), от *наклепать*, -аю, -аешь, сов., перех. и неперех. ‘побить кого-либо’ (Сев. Кавказ, трубч., брян., влад., ленингр., хакас., краснояр.) (Там же), *мишенить* (устар.) -ню, -нишь, неперех. ‘мешкать: вяло делать что-либо’ (влад.) (Там же 18, 180) от *мешать*?

озинна

В книге “Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья” приводится такой контекст: “На святках бегали к девятой вехе и кричали: “Ау-ау, мой миленький дружок, как на поле беленький снежок!” А он и катится, как *озинна сенная* — шар огненной, красный, как кровь, — страшно!”² Слово *озинна* составителями книги дается без толкования. Ясно, что это одно из святочных гаданий, когда часто появляется в образе огненного шара нечистая сила (ведьма?). Гадание совершалось на девятой вехе; в говорах Русского Севера *девятая веха* — ‘дорожная веха, используемая для гаданий; способ гадания по этой вехе’ (Сл. Русского Севера 3, 192–193). Вот еще одно гадание на святках, записанное также в Поволжье: “За девятой вехой бегали, задом. Подбежав, отламывали веточку и говорили: “Девятая веха, покажи жениха!” Кто приснится, тот и будет женихом”³. В. И. Даль пишет о вехе так: ‘значковый шест, жердь, поставленная стойком, иногда со значком, с флагом, веником, голиком, снопом, пучком соломы и пр. на сухом пути: для цели, для указания расстояния при метании бомб, для продолжения землемерами прямых линий, для обозначения зимних дорог в степных местах и по льду’ (Даль² I, 336).

Это гадание встает в ряд святочных гаданий, совершавшихся на перекрестках и сопровождавшихся звуковыми и зрительными явлениями в ответ на гадание. Мною записано гадание (в Подмошье) “...пошли снег полоть (снег дергать), поднялся вихорь как бочка, они бежали в проулок, как они успели спастись...” В Поволжье в святые вечера ходили “заворáживаться”, при этом гадании произносилось на перекрестке заклинание:

“Полю, полю белый снег
За батюшкову хлеб — соль,
За матушкину добродетель!
Залай, залай, собачка,

На чужой сторонке
Миленький, ау!”

“При этом слушали, какие были звуки, если звенели колокольчики, то это к свадебному поезду, если скрипели сани с какой-либо стороны, “то в эту сторону замуж выйдешь”, иногда “стучали доска об доску — это что-то нехорошо, вроде гробовой доске вторили”, в какой стороне лаяла собака, туда и замуж выйдешь” и т. д.⁴

Таким образом, можно предположить, что *озинна* — ‘некий мифологический персонаж (ведьма?)’. В пятитомном труде “Славянские древности” одно из основных свойств ведьмы определяется как оборотничество: “она может принимать вид свиньи... предмета (колеса, решета, стога сена, клубка ниток или листьев, палки, ветки, корзины, куста ежевики и т.п.)”⁵.

“Вихрь, как бочка” — также одно из превращений некоего мифологического персонажа. *Озинна сенная* — возможно, нечистая сила, живущая в стоге сена, ср. *стогинья* ж. (сев.-двин.) ‘В суевеверных представлениях — дух, обитающий в стогах сена’ (СРНГ 41, 173). Интересно, что кучкой сена представляется привидение: s.v. *мутьян*, м. ‘привидение, двойник’: “Дверь открывается, гляжу: большущая, — это смуста пришла; ейный [женщины] ухажор не пришел, мутьян пришел, как кучка сена”. (Селигер 3, 316). Ср. также *подовинник*, -а, м. “По поверьям — нечистая сила, живущая под овином” (Новг. словарь 8, 43). Ср. также *огненный*, *ого*, м. в знач. сущ. ‘В суевеверных представлениях — нечистый дух, прилетающий в виде огненного шара’ (перм.) (СРНГ 22, 32).

В словаре Плетершника находим словен. *ozin* м.р. в значениях ‘кошмар, удушье; призрак, домовый’ (Plet. I, 879). Ф. Безлай связывает это слово с литов. *župū̃s* ‘колдун’, *žynė* ‘колдунья’, *žymė* ‘знак, след’, лтш. *žime* ‘то же’, далее — *žinoti* ‘знать’) (слав. ~ *znati) наряду с топонимами *Ozin*, *Ozine*, *Ozink* и *Ozim*, *Ozimek*, *Ozimič*, *Ozmes*, *Ozmič*, восстанавливая исходную форму **ozinь* или **o-zinm* (Bezljaj. Etim. slovar sloven. jez. II, 264)⁶. Возможно, также что слово *озинна*, если это не заимствование из литовского *žynė* ‘колдунья’, связано со словен. *ozin* в указанных выше значениях. Л. В. Куркина считает *ozin* восходящим к праслав. **obzinь* и рассматривает его в связи с гл. *oziniti* ‘разевать рот’, *ozijati* ‘зевать, оглядеть’; значение ‘удушье, кошмар’ мотивировано, по ее мнению, вторичной семантикой производящей глагольной основы ‘открывать рот, тяжело дышать’: “ср. словен. *zévati*, чеш. *záti* ‘пыхтеть’, польск. стар. *ozinąć*, *ozionąć* ‘обдать дыханием’.

По происхождению это — имя, образованное от глагола *oziniti*, с характерным для этого типа имен переразложением основы (ср. *trínek* ‘миг, мгновение’ ~ *trípniti* ‘пульсировать’, *trenutek* ‘миг’ ~ *tréniti* ‘мигать глазами’)⁷⁷. См. также И. П. Петлева, вслед за Куркиной: “**obzinь* является бессуф. производным от гл. **obzinoti*” (ЭССЯ 31, 192). Если принять эту точку зрения, то объясняется весь спектр значений словен. *ozín*, в том числе и значения ‘призрак, домовый’, ср. продолжения **obzinoti*: чеш. *ozinouti* ‘очаровать, околдовать’ (Kott II, 458), рус. диал. *озинуть* ‘по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. дурным глазом, сглазить’ (Сл. говоров старообрядцев Забайкалья 316) (ЭССЯ 31, 191).

В таком случае *озинна* восходит к праслав. **obzinь*, словенское продолжение которого имеет значения ‘удушьё, кошмар, призрак, домовый’, и образовано с суф. *-ьна*, как **кьнежьна* от **кнезь*, *воььна* ‘война’ от *воьь* ‘воин’ (Sławski. Zaręys. I, 137), так что может быть реконструировано как **obzinьна*. Здесь следует добавить, что существовало особое славянское божество *Знич*, имя которого, предположительно, — “неправильно истолкованное *zinczius*, ср. литов. *žunys* ‘знахарь, колдун’, историч. ‘жрец’ связано с литов. *žinoti* ‘знать’, слав. **znati*.”⁷⁸

лѡнка

В Словаре Селигера приводится слово *лѡнка* ж. в значении ‘палец’ в контексте “Вот такие *лонки*, пальцы-то длинные” (Селигер 3, 220). Это слово еще не этимологизировалось; его можно сопоставить с блр. *лѡна* ‘лоно’, *лѡни-*, *ней* ж.р. мн. ‘руки, охапка, охват руками, объем’ (Носович 271), *лѡні* ж.р. мн. ‘объятья’ (Байкоў-Некраш., 160), диал. *ланѡ* ср.р. ‘охапка’ (Живое слова 82), *ланѡ* ср.р. ‘положение руки для того, чтобы положить на нее охапку дров; охапка; колени’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 616), а также *улѡнкі* мн. ‘та часть руки, на которой носят ребенка’ (Фасмер II, 517), *улѡнне*, *улѡння* н. 1. охапка; 2. в выражениях: *Узяць (пасадыць, лѣзці) на улѡнне(я)* — ‘взять на руки, посадить на колени’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 5, 205), *улѡнне* н. ‘колени’ (Сцяшковиц. Грод. 514). Все эти лексемы восходят к праслав. **lono* ‘грудь, пазуха, недра, внутренности’ (ЭССЯ 16, 32–34), ср. сербохорв. *lono* ‘недра, обхват руками, объятья и колени’ (RJA VI, 151; PCA XI, 574) (Там же) и др. Таким образом, мы считаем, что палец как часть руки (рук?) приобрел свое название от наименования рук, т. е. также восходит к праслав. **lono* (→ **lonька*),

в семантическом поле которого есть понятие ‘руки’, развившееся из значений ‘обхват руками, охапка, объятья’? Сюда же, вероятно, блр. диал. *лónка* ‘луг, покос’ “Н’амá ў нас лóнак, каб атаву мóжна было кас’йц” (Сцяшкóвич. Грод. 267). Ср. праслав. *logъ* ‘низина, долина, лог’, которое связывают с праслав. **lono* через исходную форму последнего **log-sno* ‘лежание’, а также *ložesno* (мн.) *ložesna* < **logesnā* ‘место, где находится плод, матка’ (ЕСУМ 3, 286). К праслав. **lono* В. В. Мартынов относит еще и блр. *ланó* ‘место, где лежит скошенный, но не связанный хлеб’ (“которое относится к парадигме -o- основ среднего рода с колонной окситонезой, за исключением им., вин. и местн. пад. мн. ч. (ср. *улóнах* в том же значении). Праслав. *lono*, как известно, относится к той же акцентуационной парадигме”⁹.

раскрѣнки

В Новгородском областном словаре представлено слово *раскрѣнки*, мн. в значении ‘доска, вставляемая в пол для уничтожения щели’ “Пол рассохнется, а потом *раскрѣнки* ставят” (Новг. словарь 9, 102). Это слово еще не этимологизировалось. Представляется возможным выделить в нем префикс *рас* и существительное **крѣнки*, восходящее к слову **крѣна*, вероятно, в первоначальном значении ‘*край’. Это слово уже выделялось нами в существительном *закрѣна* (псков.) ‘опушка леса, поросль’ в значении ‘край’ и возводилось к балтослав. **kreiō-* ‘отделять’ (< и.-е. *(s)ker-* ‘резать’)¹⁰. Ср. с точки зрения семантики рус. диал. *разно́жка*, -и ж. ‘распорка, которую вставляют между ногами мясной туши при ее разделке’ (Словарь Сибири 4, 109). Возможно также образование слова *раскрѣнки* от гипотетического глагола **раскрѣнуть* (ср. рус. диал. *скрѣнуть* ‘резать’ (Там же 329)), восходящего также к балтослав. **kreiō-* ‘отделять’. Словообразовательно-семантическая параллель к *раскрѣнки* в таком случае — рус. диал. *расколóтка* ‘планка, которая вбивается в щель при ремонте пола’ (Словарь Сибири 4, 120) (от *расколóться* ‘растрескаться’ (Там же)). Сюда же можно отнести и волог. *закрѣнки*, мн. -нок в знач. нареч. *закрѣнками*. ‘За плечами’ “Башмако́в раньше ма́ло бы́ло. Если идѣм ле́сом, так *закрѣнками* их и несѣм” (Вологодский словарь Д-3, с. 124). Т. е. это тоже образование от **крѣна* ‘*край’. Ср. *закрѣмки* (тотем., устюж., волог., Ср. Урал) ‘верхняя часть спины, заплечье, закорки’ (СРНГ 10, 166), *закрѣмок* ‘край, граница’ (новг.) (Там же). Сущ. *закрѣнка* (псков.) ‘задвижка, засов для запора’ (Псков. словарь 11, 269) так-

же восходит к *крѣна ‘край’. Ст.-польск. *okrzynek* в значении ‘корень крапивы, *radix Urticae dioicae* L.’ (1472 г.) (Sl. stol. V, 566), возможно представляет собой продолжение праслав. **obkrinъkъ* и восходит также к ***krina* в первоначальном значении ‘нечто вырванное, выдранное’ и далее, к и.-е. *(s)ker- ‘резать’. В этимологической литературе есть версии о происхождении праслав. **koreнь* из *(s)ker- (Pokorny I, 573; Fraenkel I, 241, вслед за Егерсом). Сюда же польск. *okrzyn* бот. *Laserpitium* (Warsz. III, 757–758), которое (с сомнением) Ж. Ж. Варбот относит к **obkrinъ* ‘сосуд’ восходящему также или к *(s)ker- ‘резать’ или *(s)ker- ‘плести’ (ЭССЯ 27, 179). Ср. также *коренюга*, и, ж. ‘растение *Digraphis arundinacea* Trin., сем. злаков; двукисточник тростниковидный’ (тобол.) (СРНГ 14, 324).

sova ‘mensus’

Словинское *sova* наряду со значением зоол. ‘сова’ имеет значения ‘менструация’ и ‘мелкий хворост’ (Sychta V, 123), в белорусских диалектах *савá*² — ‘гриб шампиньон’, которое трактуется как заимствование из польского *sowa* ‘вид пластинчатого гриба’, помещенного Борысем в статье *sowa* ‘птица’ и названного так, возможно, по цвету (Boryś 576, ЭСБМ 11, 284). На первый взгляд, исходя из верований славян о сове как нечистой птице, можно объяснить *sova* ‘менструация’ как ‘нечистое’ → ‘mensus’, такая же первичная мотивация содержится и в названии *sova* ‘мелкий хворост’ (‘нечистота, сор’ → ‘мелкий хворост’). Однако, здесь могут быть и другие версии — например, перенос с названия женских гениталий на менструацию. Так в белорусском эротическом фольклоре довольно широко представлен птичий код в подобных названиях: *зязюлька*, *салавей*¹¹, *тятёрка* (“забить тятёрку в чорных обёрках” — об овладении деревенской женщиной)¹², *сарока* (“забил сароку пысярэд току”)¹³ наряду с переносом названий животных на vagina: *абазьяна*, *авечачка*, *бобра*, *выдра*¹⁴.

В книге “Белорусский эротический фольклор” отмечается, что “птичий” код в символизации гениталий представлен прежде всего курицей¹⁵. Ср. также хорватское *щица* ж. обл. ‘утка’, жарг. шутл. ‘женский половой орган’, и *šéva* ‘жаворонок’, жарг. ‘совокупление’, *šéviti se* жарг. ‘совокупляться’. А. В. Гура, указывая на участие названий птиц в создании сексуальной символики (эротическая семантика клюва и клевания, птичьих, петушиных и куриных названий гениталий), упоминает о сове как женском

половом органе в загадках¹⁶.

Интересно в связи с этим отметить испанское *lechuza*, имеющее значение 'сова' и 'проститутка', итальянское *civetta* 'сова' и перен. 'кокетка', *fare civetta* — 'кокетничать'. Ср. польск. *gaska* 'гусёк м., гусыня' и 'наивная девушка', сербохорв. *sojka* ж. 'сойка', *терати сојке* — 'бегать за женщинами' (Толстой² 558), рус. жарг. *gagápa* 'состоятельная женщина', 'одинокая состоятельная женщина' (БСРЖ 119), диал. *паруха* 'курица — наседка' и шутол. 'невеста' (Словарь Сибири 3, 178), хорв. *galeb* 'чайка' и обл. 'альфонс (любовник, находящийся на содержании богатой женщины преклонного возраста)' и т. д. Интересно также бытование на Русском Севере поверья о том, что залетевшая в комнату сова знаменует свадьбу в том же доме, куда она залетела¹⁷.

Вторая версия происхождения названия *sova* 'менструация' может базироваться на возможном развитии значений 'птица сова' → 'болезненное состояние' → 'mensus'. Ср. *осоветь, осовелый*. Ср. также *кунка* 'vulva' и *кункино ненастье* — 'время регул, женские болезни' (Малеча 2, 316). В связи с этим можно привести целый ряд названий животных, рыб и птиц в испанском языке, которые совмещают биологические значения с медицинскими: *locia* f. 'скворец', разг. 'ложь, обман', прост. 'язва, рана', *loro* м. 'попугай', 'сопли', *pica* f. зоол. 'сорока', мед. 'извращение аппетита', *pollo* м. 'птенец, цыпленок', 'мозоль (на пальце ноги)', *golondrino* м. 'птенец ласточки', мед. 'фурункул (под мышкой)', *puerca* f. 'свинья (самка)', 'скрофулёз, золотуха', *gato* I м. 'кот', вен. 'сифилис', а также интересно в связи с этим *mona* I f. 'обезьяна (самка)' и разг. 'опьянение, хмель', *merluza* f. 'мерлан (рыба)' и разг. 'опьянение, хмель', *chucho* III м. 'сова' и 'испуг, страх'.

Ср. также укр. диал. *вовк* мед. 'воспаление слизистой оболочки прямой кишки' (Негрич. Скарби гуцул. гов.43).

Здесь следует косвенно упомянуть укр. диал. название *пола* 'менструация', которое дается в Этимологическом словаре украинского языка с пометой 'неясное' (ЕСУМ 4, 485). Его можно трактовать как название, возникшее в результате перехода значений 'подол женской рубашки, пола' → 'менструация'. Г. И. Кабакова отмечает, что "сами названия одежды тоже могут обозначать регулы: рубашка, сорочка, они входят и в состав словосочетаний "существительное + определение", обозначающее либо регулярность явления (месячна сорочка — Ласицк.), либо его нечистоту (грязна рубашка — Старые Боровичи)"¹⁸. Она также пишет, что "наиболее распространенные в Полесье термины (названия регул.

— Т. Г.) строятся как локативные конструкции, указывающие на те предметы женской одежды, на которых проступает менструальная кровь: *на рубашке, на рубахе, на сорочке, на одежде, на беллі*, редко — *в рубашке* (Разутино); от этих конструкций могут быть образованы существительные женского или мужского рода: *нарубашечныца* (Дяковичи), *нарубашиник* (Великое Поле) и субстантивированные прилагательные (*рубашечно, рубашиное, нарубашиное, палацейная* — Бабичи, Сорочечно)¹⁹. Ср. рус. диал. *рубáшка* ‘менструация’ (Словарь Карелии 5, 572), *лопотное* эвфем. ‘то же’ (Сл. Коми-Перм. округа 140), при *лопоть* ‘одежда’.

лакотья́

Рус. диал. *лакотья́* мн. в значении ‘брюшина, мясо с перепонками’ зафиксировано в Тематическом словаре говоров Тверской области²⁰, в контексте “Меня тятка локотья есть приучил”. Оно, по всей видимости, восходит к праслав. **olkati*, среди продолжений которого др.-рус., рус.-цслав. *лакати, локати* ‘лакать’ (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 165), *лакать* ‘испытывать голод, быть голодным’ (Там же; Срезневский II, 5), рус. *лака́ть* ‘вбирать жидкость языком, о животных’, диал. *лока́ть* ‘пить жадно (больше о животных)’ (Добровольский 379), блр. *локаць* ‘пить’ (Носов.) (ЭССЯ 32, 57–58). Основное значение и, видимо, исходное, рус. диал. *лакотья́* — ‘брюшина’, а значение ‘мясо с перепонками’ вторично. Ср. праслав. **olkva?*, к которому восходит словац. диал. *lakva* ж.р. ‘складка на подбородке (у скотины)’ (Horak. Pohorel. 160), также связанное с гл. **olkati*, а также “с такими же однокоренным названием того же предмета (‘складка на подбородке у скотины, нем. Wamme’), в том же ареале, как чеш. *lalok...*” (ЭССЯ 32, 68). Праслав. **lalokъ/*laloka* ‘мягкое небо, рот и т. д.’ продолжено в славянских языках лексемами — чеш. *lalok, laloch, lalouk* ‘челюсть, подбородок, мясистое утолщение шеи, мочка уха’ (Jungmann II, 260); ... словац. *lalok* м.р. ‘обвислая кожа ниже шеи у коровы’ (Matejčík. Novohrad. 114), рус. диал. *ла́лока, лалака́* ж.р. ‘десна’ (Филин 16, 252; Доп. к Опыту 99)” и т. д. (ЭССЯ 14, 24).

Праслав. **lalok-* объясняется здесь, вслед за Немцем как сложение экспрессивной приставки *la-* с корнем глагола **lokati* (Там же), который в 32-ом выпуске ЭССЯ уже объединяется с **olkati*, с признанием древней экспрессивности (“ср. сюда лит. *lakù, làkti* ‘лизать, лакать’, но и *álkti* ‘голодать’ ” (Так Трубачев О. Н. — ЭССЯ 32, 58).

Таким образом, рус. *лакотья́* ‘брюшина, мясо с перепонками’

может быть объяснено как название части тела (восходящее к **ol(lo)kati*, как и **lalokъ* ‘челюсть, подбородок’ и др.), или как часть тела (брюшина, утроба?), которая “алчет пищи”, часто голодна, ср. *ненасытная утроба*. Ср. также рус диал. *обжорка* ‘желудок рыб хищной породы’ (Копылова. Ловецкое слово 68).

берляць

В Этимологическом словаре белорусского языка рассматривается гл. *пабэрляць* в значениях ‘подъесть’, ‘вспахать’; оно определено как неясное, возможно, связанное с *барляць* ‘переливать, взбалтывать, работать без толку’ и, далее, с *бурліць*, *бурць* (ЭСБМ 8, 86). В том же словаре *барляць* в указанных выше значениях сравнивается с рус. диал. (пск., вят., новгор.) *бурліть* ‘мутить, мешать воду, переливать жидкость’ (Там же 1, 315–316), а в ЭССЯ возводится О. Н. Трубачевым к праслав. **bьr’lati* наряду с рус. диал. (псков.) *барлять* ‘медленно, с трудом передвигаться, ковылять’, сербохорв. *брљати* ‘возиться, рыться (пальцами, ложкой)’, словен. *brljáti* ‘рыться, искать’, ‘брызгать’, словац. *br’latsa* ‘рыться, искать, возиться’ и т. д., которое определяется как глагол на *-ati* от ономастопозитической основы, родственное **bьrliti* и **bьrlogъ*, **bьrloga*. При этом автор отмечает вторичность различий в огласовке, объяснимую экспрессивным характером слов (ЭССЯ 3, 167).

Сюда же можно отнести распространенное в русском жаргоне *берлять*, *яю*, *яёт*, несов. (угол.) ‘есть, употреблять в пищу’, (угол.) ‘пить спиртное’ (БСРЖ 59), а также, обратное производное от него *берл* ‘еда’, *берла́*, *-и*, ж., *берло́*, *-а́*, ср. (ССМЖ 66).

Примечания

¹ Варбот Ж. Ж. К этимологии русского названия инея // Этимология. 1997–1999. М., 2000, 14–15.

² Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья // Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1985, 23.

³ Там же.

⁴ Там же, 19–20.

⁵ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т.1, 298.

⁶ F. Bezlaj. Iz slovenske leksike // Jezik in Slovstvo. Ljubljana, XXVIII, 1982/83, st. 1, 10–13.

⁷ Куркина Л. В. Словенские этимологии // ОЛА. Материалы и исследования 1988–1990. М., 172–173.

⁸ Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева. “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005, 396.

⁹ Мартынов В. В. (Рец.) Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 323 стр. // *Этимология*. 1968. М., 1970, 250–251.

¹⁰ Горячева Т. В. *Этимологические заметки* // *Этимология*. 1981. М., 1983, 71–72.

¹¹ *Белорусский эротический фольклор* / Издание подготовили Т. В. Володина, А. С. Федосик. М., 2006, 365–366.

¹² Там же, 45.

¹³ Там же, 195.

¹⁴ Там же, 365–366.

¹⁵ Там же, 44.

¹⁶ *Славянские древности*. 4, 345.

¹⁷ *Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии*. М., 2009, 439.

¹⁸ *Кабаква Г. И. Антропология женского тела*. М., 2001, 194–195.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Тематический словарь говоров Тверской области* / Гл. ред. Т. В. Кириллова, отв. ред. Л. Н. Новикова. Тверь, 2004, 101.